

Здравствуй, отец!

Вы, конечно, знаете Владимира Михайловича Вольфовича? Лицо города состоит из множества человеческих лиц, и чем они самобытней, тем интереснее город. Спокойный нрав и трудолюбие отличают многих, но его одного. Но необычность профессии (водолаз, спасатель) и постоянство в ней держат его всегда на виду, время от времени привлекают к нему внимание печати. Например, когда ему приходится спускаться из большой глубины без соответствующего снаряжения. Или когда нам захочется узнать, какой рыской и тинной затянуло «глазь старинного пруда».

На прошлой неделе исполнилось тридцать пять лет, как он и руководимый им коллектив спасательной станции диспанализируют нас на воде и отгоняют от буйков. Для того и бороздят пруд наш малосильный «флот», а Володя — его «капитан». Кстати, он награжден тремя медалями «За спасение утопающих». И еще он всегда открывал рывные приятели и научу эстафету, когда, принарядившись, расвечивал небо ракетами.

Но я расскажу совсем о другом, чего не знает никто.

В 1932 году польский комсомолец (организованная существовала нелегально) Мовша Вольфович с молодой супругой Анной покинули Вильно (Вильнюс, принадлежавший тогда Польше) и перешли границу. Их манила романтическая мечта — строить новую жизнь в СССР. Выходец из бедной многолетней семьи сумел убедить жену — профессорскую дочку в своей правоте, а трудности их не пугали, как и направление на строительство. Неотрубного завода, потому что было им обомм чуть больше двадцати.

Здесь, на Урале, родились их дети: в 35-м — дочка Женя, а два года спустя — сын. И вместе с этим наступил 37-й год. Жили они тогда уже в центре Свердловска, отец был очень хорошим портным по пошиву верхней мужской одежды, шил важным заказчикам и научил ремеслу свою Анну, и она шила дамам легкие нарядные платья.

Сыну был всего месяц, когда ночью к ним пришли из НКВД. От арестованного эмигранта потребовали, чтобы он подписал признание, как пускал под откос поезда. Ночь держали и жену, требуя доноса, но она не сдалась. В 24 часа выбросили ее из квартиры, а приют мать нашла на Динасе, где сначала они скитались где попало, а потом получили десятиметровую комнатку. Работу пришлось выполнять всякую, зато дети умчели.

Кстати, пострадали в 37-м и заказчицы, что у Анны Ивановны платья шили.

Рос Владимир, как все динасовские мальчишки, но когда окончил в 54-м школу, ему очень больно дали понять, что он сын врага народа. Придет в

всех, повзростает учеником автослесаря или столяра, начальник поднимет заявление, а в кадрах — стоп! Так ему хотелось учиться, но не далось ничего, кроме РУ-17. Наверное, из-за этого всего он так умело владеет множеством рабочих профессий, которые приобрел за жизнь.

На полне, куда ему путь был открыт, увидел Володя разных людей. И не столько энтузиастов, распевających «Едем мы, друзья, в дальние края!», сколько несчастных людей или накипи, выброшенной обществом. В поселке жило много женщин, чьи мужья были репрессированы, и когда в 57-м им стали выдать за извещениями о реабилитации выдавать двухмесячные оклады их мужей (получаемые перед арестом), они с криками и плачем бросали эти деньги тем, кто их давал. Проклиная тех, кто назначил вот такую цену за жизни их близких.

Раньше мать и дети знали, что отцу дали десять лет без права переписки. Что это такое, все мы узнали не так давно. Пришла бумага из военной коллегии и им: якобы умер в заключении в 1946-году от менингита, а теперь реабилитирован, потому что невиновен. Матери дали двухкомнатную квартиру.

Недавно были открыты архивы КГБ. Сестра Женя, уже пенсионерка, сходилась ей дали дело. Но брата она предостерегла: «Ты не читай, у тебя будет второй инфаркт!» Несколько раз повторялось там решение скоропалительной «тройки»: расстрелять, расстрелять...

Когда В. М. Вольфович узнал, что состоится захоронение жертв сталинских репрессий, душа привела его сюда. Они ездили с женой и сестрой и печально смотрели на несколько гробов, куда собирали кости погибших. Отпевание красивое было, сын представлял, как вели в глухомань людей из тюрьмы по старому тракту, как они сами рыли себе яму. Вот такой слой — всего десять сантиметров — покрывал их тела в безмянной могиле. Сейчас там камень, елочка, крест. На камне слова:

Вам, безвременно умершим,
Видевшим трагедно страны,

В душах человеческих воскресшим,
Низко кланяемся мы.

Но и тогда, во время церемонии, брат и сестра не знали точно, здесь ли их отец. И лишь две недели назад получили точное подтверждение: здесь.

На прошлой неделе Владимир Михайлович отъез и укрепил там мраморную дощечку, на которой написана фамилия, дата рождения и смерти — 13 декабря 1937 года. Так делают все люди, к которым приходят из небытия имена их родных. Могила общая, а дощечки укрепляют на березах.

И теперь, когда ездит на машине в Екатеринбург, на двенадцатом километре сын обязательно заезжает сюда. Или послышит долгим гудком: «Здравствуй, отец!»

Много, много надо передумать до коша жизни стареющим детям, которые не по своей воле никогда и ни к кому не обращались с этим словом — отец...

А. КИПРИАНОВА.